

Оглавление

Данильчев А. А. К вопросу о сопоставительном изучении интонации в русском и мордовских языках

Киришева Т. И., Корсунова И. И. Финно-угорская субстратная топонимия Лешуконья

Новикова Я. В. Англоязычные заимствования в современной финской художественной литературе (на примере романа Кауко Рёюхкя «Авек»)

К вопросу о сопоставительном изучении интонации в русском и мордовских языках

Данильчев Александр Алексеевич

Студент Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева, Саранск,
Россия

Статья затрагивает одну из неразработанных в лингвистике проблем сопоставительного описания интонации русского и мордовских языков. Проведенный автором эксперимент выявил различия в восприятии студентов-носителей языка и студентов-билингвов релевантных интонационных элементов, участвующих в маркировании коммуникативных и эмоциональных типов простого предложения русского языка. Результаты эксперимента могут получить дальнейшую лингвистическую интерпретацию.

Интонационный уровень мордовских (мокшанского и эрзянского) языков, в отличие от русского языка, остается пока слабо исследованным разделом мордовского языкознания. Интонация есть важнейший компонент речи, поэтому исследования средств ее выражения позволят расширить знания о национально-специфических чертах интонации.

Интонацию можно определить следующим образом: «интонация – это сложный комплекс элементов, таких как интенсивность, мелодика, логическое ударение, пауза, темп, тембр, диапазонная высота и эмфатическая долгота» [Филиппова: 58].

Проблема интонации в эрзянском языке обычно рассматривается в связи с изучением эмоциональной окраски предложения. Так, по мнению Н. И. Рузанкина, как в русском, так и в эрзянском языках, с одной стороны, употребление / неупотребление восклицательного знака во многих случаях является простой условностью, а с другой, – это нередко связано с особенностями стиля отдельных писателей, избегающих употребления восклицательного знака даже в тех случаях, когда его необходимость очевидна. Описывая эмотивные конструкции в эрзянском языке, ученый вскользь касается особенностей интонации [Рузанкин].

В отличие от финского и венгерского языков, в вопросительных и побудительных предложениях эрзянского языка интонация восходящая. В повествовательных предложениях как в эрзянском, так и в финском и в венгерском и русском языках интонация нисходящая. Ударение в эрзянском языке падает на любой слог.

На наш взгляд, большую помощь в решении проблемы сопоставительного описания интонации простого предложения в русском и эрзянском и /или мокшанском языке может оказать проведенный эксперимент по анализу восприятия интонации разных в коммуникативном и эмоциональном отношении предложений носителями языка и билингвами. С целью восприятия интонационных элементов, маркирующих разные коммуникативные виды простого предложения, в речи носителей русского и эрзянского языков, мы решили провести эксперимент среди студентов-филологов первого курса русского и национального отделений. Студентам было предложено прослушать аудиозапись на русском языке и определить коммуникативный и эмоциональный тип трех предложений: повествовательного невосклицательного («Книга была интересной»), вопросительного невосклицательного («Книга была интересной?») и повествовательного восклицательного («Книга была интересной!»). Все 100 % участвующих правильно определили вид предложений. Что же касается определения интонационных элементов, участвующих в интонационном оформлении предложений, в данном случае мнения двух групп значительно расходятся. К примеру, в определении повествовательного предложения («Книга была интересной») студенты русского отделения выделяют диапазонную высоту (30 %), мелодику, паузу, темп (20 %), интенсивность (10 %). Некоторые студенты в определении релевантных интонационных элементов указывают на понижение тона высказывания, что соответствует интонационной характеристике простого повествовательного предложения. Большая часть студентов национального отделения в определении этого же предложения выделяют ритм (50 %), мелодику и паузу

(по 20 %). Некоторые студенты указывают на ударение.

Практически все студенты-носители русского языка в определении характерных интонационных элементов вопросительного предложения («Книга была интересной?») на первое место ставят логическое ударение (90 %). Только 35 % студентов-билингвов (по их мнению) опирались на логическое ударение, 35 % посчитали важным элементом интенсивность, 30 % - мелодику. Сравнение вопросительных предложений выявляет такое различие: в эрзянском языке на подлежащем вопросительного предложения резко выражен подъем мелодики. В русском языке она проявляется менее резко. При сопоставлении было обнаружено и сходство: в рассматриваемых языках в вопросительных предложениях интонация восходящая. При прослушивании повествовательного восклицательного предложения («Книга была интересной!») все студенты определили вид предложения как восклицательное. Многих студентов-билингвов (40 %) заставила обратить на себя внимание пауза в передаче эмоционального состояния, в то время как студенты-носители русского языка не посчитали ее наиболее важной. По их мнению (50 %), существенную роль в данном случае играет мелодика.

Таким образом, данный эксперимент показал, что во всех рассматриваемых предложениях у студентов-носителей языка и студентов-билингвов наблюдаются расхождения в осознании того, что же им помогло определить коммуникативный тип и эмоциональную окраску данных предложений. Пока рано делать окончательные выводы, однако можно предположить, что студенты по-разному «слышат» интонацию русского языка. На восприятие интонации простого предложения в русском языке студентами-билингвами оказывают влияние релевантные признаки, участвующие в оформлении интонации данных предложений в родном языке, однако вопрос о том, каким образом, требует дальнейшего изучения.

На наш взгляд, результаты исследования послужат материалом для дальнейшей разработки проблем сопоставительного изучения интонации, а также могут быть полезны при рассмотрении вопросов методики обучения интонации студентов-носителей языка и студентов-билингвов.

Литература

- Рузанкин. Н.И. Эмотивные конструкции в современном эрзянском языке. Саранск, 2008.
Филиппова О.В. Профессиональная речь учителя. Интонация. Саранск, 2001.

Финно-угорская субстратная топонимия Лешуконья

Киришева Тамара Игоревна, Корсунова Ирина Игоревна

Уральский государственный университет имени А.М. Горького, Екатеринбург, Россия

Топонимия Лешуконского района Архангельской области представляет несомненный интерес для исследователей межэтнических контактов. Это территория, по которой в древнюю эпоху проходили важные пути – по рекам Мезень и Вашка, потому это была зона активного взаимодействия разных финно-угорских (коми, прибалтийско-финских, саамских) групп и русских переселенцев.

Характер, время, условия этого взаимодействия, а также территориальное размещение представителей разных народностей - все это должно найти свое отражение в топонимии региона. И действительно, при исследовании местных географических названий становится очевидным их различное происхождение.

1. Предположение о коми-топонимах подтверждается наличием названий притоков с формантом *-вожа* (который А.К. Матвеев возводит к коми *вож* «приток»): Байдвожа, р. (~коми удар. *байд* «ива»), Войвожа, р. (~коми вой «ночь, север»), Егырвожа, р. (~коми *егыры* «заболоченный лес»), Косвожа, руч. (~коми *кос* «сухой» или *кось* «порог, пережат», также вариант названия Косьвожа), Лунвожа, р. (~коми *лун* «день, южный»), Лысавожа, р. (~коми *лыс* «хвоя»), Нервожа, руч. (~коми диал. *нер* «приболотная полоса»), Неявожа, р. (~коми *ниа* «лиственница»), Нырвожа, р. (~коми *ныр* «нос, клюв» или *нырд* «излучина, лука, мыс»), Ойвожа, р. (~коми *ой* «ночь, север»), Онсывожа, р. (приток р. Онса),

Понивожа, р. (~коми *пони* «маленький»), Тольчавожа, р. (~коми *толич* «пырей ползучий») [Матвеев 1965; КЭСК].

Эти топонимы (кроме Нервожа) фиксируются на территории, непосредственно граничащей с Коми Республикой, в бассейне р. Вашка.

Примечателен тот факт, что на этой территории отсутствуют топонимы-полукальки, чрезвычайно распространенные на Русском Севере, встречающиеся и в Лешуконском районе, что говорит о заимствовании названий при быстрой смене населения.

Встречаются также названия на *-вож* (с вариантами *-важ*, *-ваш*, возникшими на русской почве из-за ударной позиции формантов): Ворвож, р. (~коми *vör* «лес»), Косваж, р., Кырвож, р. (~коми *кыр* «обрыв, крутой берег»), Ягвож, р. (~коми *яг* «сосновый лес»).

Гидронимы на *-вож* и *-вожа*, по-видимому, имеют один источник происхождения, т. к. названия на *-вож* записаны также на территории, непосредственно примыкающей к Коми, в верхнем течении р. Мезень. Формальное же различие формантов связано с особенностями русской адаптации, этим же объясняется вариативность названий: Неявожа – Неявож, Ойвожа – Ойвож, Понивожа – Поневож, Пучкорвожа – Пучкорваш.

В результате русской адаптации возник и вариант этого форманта *-божа*: Лумбожа, р. (*лум* < *лун* «день, южный»), Сочомбожа, р. (~коми *сотчõм* «горелый, выгоревший»).

2. Очевиден прибалтийско-финский след в топонимии Лешуконского района. В первую очередь обращают на себя внимание названия с начальным *х*, отсутствующим в коми: Хакой, руч. (~фин. *hako* «хвоя; упавшее дерево, бурелом», карел. *hako* «сгнивший ствол дерева; ветвь ели или сосны», люд., вепс. *hago* «сгнившее намокшее дерево» или фин. *haka* «изгородь, огороженное пастбище», карел. *haka* «огороженное место для коров»), Хетая, р. (~фин. *hete* «трясина, зыбун; ключ, источник», карел. *hete* «трясина, зыбун» или фин., карел. *hieta* «песок»), Химбор, лес (~фин. *heimo* «род, родственник; », карел. *heimo* «племя, род; соплеменник, родственник»), Хортуй, протока (~фин. *hurttä* «охотничья собака, большая собака; волк», карел. *hurttä* «большая или густошерстая собака»).

Можно назвать прибалтийско-финскими по происхождению и такие топонимы, как Веркой, руч. (~фин., ижор., карел. *verkko*, люд., вепс. *verk* «рыболовная сеть»), Колкручей, руч. (~фин., ижор., карел., вод. *kolkka* «угол»), Кортюга, р. (~фин. *korte*, карел., люд. *korteh*, вепс. *kortez* «хвощ»), Лындой, р. (~фин., ижор., карел. *lintu*, люд. *lind(u)*, вепс. *lind*, вод. *lintu*, эст., лив. *lind* «птица»), Мендарьево, оз. (~фин., карел. *mänty*, ижор., вод. *mäntü*, люд. *mänd(ü)*, вепс. *mänd* «мяндовая сосна»), Невлой, р. (~фин. *neula*, *niekla*, ижор. *nēgla*, *nēkla*, карел. *niekla*, вепс. *ñegl* «хвоя»), Сергозеро, оз. (~фин., ижор., карел. *särki*, люд. *šärg(i)*, вепс. *särg*, эст., лив. *särg* «плотва») [SSA 1–3; Матвеев 2004: 35–67].

В массе своей эти названия представлены в северной части района, в бассейне р. Мезени.

К саамским названиям с достаточной степенью определенности можно отнести топонимы Шублохты, пок., Шубозеро, оз. (~прасаам. **supē*, Инари *supē*, Колтта *suipp*, Кильдин *subb* «осина»), Чухчи, ур., Чухочий, руч. (~прасаам. **čukčē*, Инари *čuhča*, Колтта *čuhčč*, Кильдин *čuxč* «глухарь»), Чучепала, д. (~прасаам. **čudē*, Инари *čude*, Колтта *čuidd*, Кильдин *čudd*, тер. *čj_ltte* «враг»), Чёлма, поле (~прасаам. *čõ#lmē*, Кильдин *čuel□m*), Толбас, оз. (~прасаам. **tõlpe*, Инари *tuolbas*, Колтта *tuõlbás*, Кильдин *tõlbas* «ровный») [YS: 28–139; Матвеев 2007: 155–163].

Саамские по происхождению топонимы не образуют скопления, четкого ареала, фиксируются на всей территории Лешуконского района.

Таким образом, по языковой принадлежности топонимия региона неоднородна: выделяются коми, прибалтийско-финские, саамские и русские названия. Картографирование позволяет наметить зоны древнего расселения этнических групп:

восток и юго-восток (бассейн Вашки и верхнее течение Мезени) заселяли коми, север (среднее течение Мезени) – прибалтийско-финское население, саамы, по всей видимости, не имели определенного места, но осваивали все пространство Мезенско-Вашкинского междуречья.

Литература

[КЭСК] - *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999.

Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. Часть II. Екатеринбург, 2004.

Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. Часть III. Екатеринбург, 2007.

Матвеев А.К. Топонимические ареалы -вей и -вожа на Русском Севере // Вопросы финно-угорского языкознания. М., 1965. Вып. 3. С. 29–34.

Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1 – 3. Helsinki, 1992–2000.

**Англоязычные заимствования в современной финской художественной литературе
(на примере романа Кауко Рёюхкя «Авек»)**

Новикова Ярослава Владимировна

Студентка Петрозаводского государственного университета, Петрозаводск, Россия

В своем докладе я рассматриваю использование англоязычных слов и выражений в современной финской художественной литературе на примере романа финского писателя Кауко Рёюхкя «Авек» (2006). Задачей является выяснить, обосновано ли использование автором лексики англоязычного происхождения, и определить, как среда, социальный статус, профессия, образование, возраст и другие факторы влияют на язык, используемый героями романа.

В своем докладе я рассматриваю лексику и манеру говорить двух главных героев романа. Для начала выделяю в тексте англоязычные слова и выражения. Затем проверяю их происхождение и разделяю их на группы заимствований. После этого начинаю анализ лексики, используемой каждым отдельным героем на основе выбранных мной слов и выражений. Анализируя обоснованность использования данной конкретной лексики, сообщаю возраст, профессию героев, их отношение друг к другу. Рассматривая социальный фон героев, использую статьи критиков Антти Майандер и Катариина Пархи. В конце доклада привожу дополнительные примеры англоязычных слов и выражений, взятых из составленного мною списка лексики героев романа (включая список англоязычных имен собственных). Основное внимание в докладе уделяется лексике героев романа и решениям автора по выбору данной лексики. Объектом внимания являются также фон и увлечения (в том числе музыкальные) самого автора и их влияние на язык произведения.

Анализ текста рок-лирика и писателя Кауко Рёюхкя – хороший способ выяснить роль и долю англоязычной лексики в речи героев в современной финской художественной литературе. Проанализировав лексику героев в романе «Авек», я пришла к выводу, что использование автором англоязычных слов и выражений является обоснованным и незаменимым для создания цельных и правдоподобных образов. Речь отражает, прежде всего, социальное положение, образование, а также возраст каждого героя.

На основе составленного мной списка англоязычной лексики персонажей романа я исследовала долю заимствованных слов и выражений в языке героев и пришла к выводу о том, что частота использования этой лексики варьируется от героя к герою, что является следствием действия экстралингвистических факторов. Выполнив анализ лексики героев романа Кауко Рёюхкя «Авек», я сделала вывод о том, что язык героев художественного произведения нужно исследовать и рассматривать как часть единого целого всего произведения, а также в связи со временем написания произведения и с языком этого времени.

Литература

Kalliokoski J. Kirjailijan kieltä tutkimassa // *Kieltä kohti.* Helsinki, 2008. S. 34-48.

Majander A. Kauko Röyhkä taisi pystyä parhaaseensa. Kumpaa pitäisi inhota enemmän, ympäristöä vai itseään? <http://www.hs.fi>

Parhi K. Ihmissuhde – sairaskertomuksia. // Kaltio. 2006. № 2. S.107-108.

Röyhkä K. Avec. Helsinki, 2008.